

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

ОБ УДАРЕНИИ В ТОНШАЕВСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Марийское ударение изучено менее других языковых категорий. Однако было бы неправильно думать, что в марийском языкознании нет какого-либо определенного взгляда на это фонетическое явление. Вопросам ударения посвящено несколько работ.¹ Но если в литературном языке более или менее выяснены его закономерности, то в северо-западном наречии, в частности тоншаевском (по терминологии Э. Беке, ветлужском) говоре, оно до последнего времени оставалось вне поля зрения исследователей. Между тем ударение говора во многом отличается от соответствующего явления как литературного языка, так и других диалектов.

Как и в литературном языке, ударение здесь относится к так наз. квантитативному типу. Гласный, находящийся под ударением, несколько изменяет свое качество, прежде всего в сторону увеличения длительности. Это легко заметить у редуцированных гласных, длительность которых в равных условиях обнаруживает заметную уступку гласным полного образования. Когда редуцированные находятся в ударном, а гласные полного образования в безударном положении, разница в их длительности фактически почти полностью исчезает, или очень несущественна, за счет некоторого удлинения подударных редуцированных звуков. Так, долгота \ddot{a} и \dot{a} , отличающихся от других гласных значительно меньшей длительностью, равна длительности безударных полного образования в словах типа *pə-znāš* 'прижаться', *šə-lāš* 'прятаться', *kə-rāš* 'бить'. Увеличение длительности подударных гласных отчетливо заметно даже на слух при сравнении долготы этих редуцированных в словах, гласные которых представлены звуками только этого качества. В таких словах, как *pə-rās* 'кошка', *ə-štər* 'портянки', *ku-ru-k* 'гора', *šp-ənr* 'ось', подударные редуцированные по своей длительности намного превосходят своих соседей по слову. Но стоит несколько видоизменить эти слова, вследствие чего меняется место ударения, и бывшие подударными редуцированные тотчас же теряют свое преимущество, передав его последующим звукам, сами же принимают свою прежнюю длительность; например: *pārə-slan* 'кошке', *əštərəm* 'портянки

¹ Наиболее интересные из них: В. М. Васильев, Роль ударения в марийском языке. — Некоторые вопросы марийского языкознания, Козьмодемьянск 1948, стр. 49—68; Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола 1960, стр. 130—141; E. Lewy, Tscheremissische Grammatik, Leipzig 1922, стр. 52—93.

(вин. пад.)', *ku_vru_vku_vm* 'гору', *šp̄d̄p̄-r̄p̄m* 'ось (вин. пад.)'. Разумеется, происходит удлинение и других гласных, но редуцированные отражают его как нельзя лучше.

Ударение в говоре можно рассматривать и с точки зрения его отношения к качеству не подударных гласных, которые, как правило, всегда редуцируются. Это касается всех безударных гласных слова, но особенно отчетливо проявляется у лабиальных и в первую очередь у *o* и *ö*: *p̄rtalte-nām* 'я возвратил', *co_vŋke-štās* 'улететь', *tu_vma-jaš* 'думать', *šu_vkte-nām* 'я достал', *t̄p̄cä-ltās* 'капать'. Особенно сильное влияние редукции испытывают конечные безударные гласные: *k̄p̄-ž̄q̄* 'толстый', *r̄p̄-đ̄q̄* 'сердцевина', *š̄p̄-l̄q̄* 'овес', *tu_v-đo_v* 'он', *šu_v-ldo_v* 'дешевый', *u_v-ro_v* 'горсть'. В таких словах они представляют собой звуки с более вялой артикуляцией и с меньшей лабиализацией, которая иногда, особенно в изолированном от контекста произношении, почти совершенно утрачивается, и они редуцируются до степени редукции звуков *ə* и *ә*. Если такие слова с конечными лабиальными изменить прибавлением новых суффиксов, в результате чего происходит переход ударения на эти звуки, то они также претерпевают качественное изменение и в подударном положении переходят в так наз. огубленные редуцированные гласные *u_v* и *p̄*, занимающие положение между *u* и *ü* с одной стороны и *o*, *ö* — с другой, например: *mu_v-no_v* 'яйцо' ~ *mu_vnu_v-lan* 'яйцу', *š̄p̄-r̄q̄* 'лицо' ~ *š̄p̄r̄p̄-št̄q̄* 'на лице'. Такое качественное преобразование совершается только при условии, если ударение до изменения слова падало на те же редуцированные *u_v* и *p̄*. В случаях, когда ударение падает на лабиальные гласные полного образования, даже при изменении слова вопреки закономерности, ударение не переходит и последующий за ударным гласный, редуцированный до изменения слова, подвергается еще большей редукции, не теряя, однако, своей огубленности окончательно. Такие звуки можно было бы в транскрипции обозначать знаками *o* и *ö*; например: *šu_v-đo_v* 'трава' ~ *šu_v-đ_vo_všto_v* 'в траве', *t̄ö_v-nq̄* 'дома' ~ *t̄ö_v-n_vž̄q̄* (он) дома', *p̄öc̄ö-mš̄q̄* 'оса' ~ *p̄öc̄ö-mš̄_vö_všt̄_vö_vž̄q̄* 'в осе-то'.

По месту ударения в слове говор во многом отличается от литературного языка и других диалектов, в частности луговых говоров. В литературном языке, как известно, ударение нефиксированное (свободное).² Оно может стоять на любом слоге слова и даже на разных слогах в различных формах одного и того же слова (например: *u_v-đ̄äro* 'гребни' ~ *uđ̄ära-š* 'грести'). В тоншаевском же говоре ударение в основном носит фиксированный характер. В преобладающем большинстве случаев в слове, взятом вне контекста, оно падает на предпоследний слог, например: *jalu-nto* 'пятка', *tun̄k̄äre-štās* 'грубеть', *šora-ŋaš* 'загрязниться', *rose-tä* 'рассада', *äš̄entä-rāš* 'вспоминать', *p̄t̄p̄rkälämä-št̄ä* 'во вращении'.

Но это только в общем. Имеется целый ряд исключений. Прежде всего это относится к слогам с редуцированным *ə* и *ә* (или их вариантами *o* и *ö*). Предпоследние слоги, гласными которых являются *ə* и *ә* (~ *o* и *ö*), не могут принять на себя ударения, поэтому, если эти звуки оказываются в такой позиции, ударение соответственно переходит на один слог в сторону первых слогов, например: *teye-ňäk̄ä* 'такой', *una-l̄äkeš* 'в гости', *ü_v-p̄š_v-nc̄äš* 'нюхать', *u_vru_v-kt_vo_vmaš* 'окучивание', *ša-c̄äkt̄äš*

² Современный марийский язык. Фонетика, стр. 132.

'родить'. При отсутствии гласных полного образования и в предыдущем слоге оно продолжает свое движение назад до тех пор, пока не дойдет до гласного полного образования, например: *ki·dāštāžə* 'в его руке', *pö·rt·št·žə* 'в его доме'.

Исключение составляет ударение в словах с одними редуцированными гласными, где возможна двоякая постановка его. С одной стороны, ударение, по общему правилу, может стоять на предпоследнем слоге, но с другой стороны, в поисках гласных полного образования может переходить на предыдущий слог. Это явление, будучи таким образом факультативным, не вызывает в говоре никакой реакции со стороны его носителей. Следует особо подчеркнуть, что такие исключения касаются, во-первых, только редуцированных *ä* и *ə*, но отнюдь не применимы к лабиализованным редуцированным *u* и *ʉ* и, во-вторых, относятся лишь к трехсложным словам. Примеры: *šəžə·šə* ~ *šə·žəšə* 'осенний', *tälä·zə* ~ *tä·läzə* 'месяц', *cətä·räs* ~ *cä·täräs* 'трястись', но *tntŋ·rä* 'туман', *tu·βu·rʏäš* 'свернуться (о молоке)'. Однако чаще употребляется все же форма с ударением на первом слоге.

Общей закономерности не подчиняются слова с суффиксами *-ye*, *-te*, *-nek* и с усилительной частицей *-at* (*-ät*). Во всех случаях они берут ударение на себя, например: *izižä·t·kuŋiža·t* 'все (дословно: и маленькие и большие)', *βuŋye·jalʏe* 'совсем (дословно: с головой и ногой)', *kitte·jalde* 'без рук, без ног', *kejəde·tolde* 'не ходя', *tu·βu·rŋe·k·jalakšne·k* 'не раздевшись (дословно: в штанах и рубашке)'.

Таким образом, ударение говора связано с предпоследним слогом слова. Но в то же время его можно назвать подвижным в том смысле, что оно не связано с каким-нибудь определенным местом, как, например, с первым слогом в некоторых прибалтийско-финских языках, а перемещается к концу слова по мере присоединения к нему суффиксов, иначе говоря, постоянно стремится занять положение в предпоследнем слоге. Однако подвижный характер ударения говора существенно отличается от подвижности ударения, например, русского языка. Поэтому подвижным его можно назвать лишь в определенном смысле, условно.

Отношение ударения к системе фонем. В некоторых языках, как, например, в русском, а отчасти и в марийском литературном ударение носит фонематический характер. В таких языках нередко в прямой зависимости от места ударения находится изменение формы или значения слова. Так, в русском языке, например, слова *отрѣзать* ~ *отрезáть*, *стрѣлки* ~ *стрелкí* отличаются друг от друга только ударением. То же в марийском литературном языке: *šerpe* 'расческа, гребень' ~ *še·rpe* 'дорогой', *pe·le* 'половина' ~ *pele* 'наполовину', *ača·že* 'его отец' ~ *ačaže* 'муж мой (при обращении)'. Но в марийском языке случаи так наз. явления амоформы ограничены лишь отдельными парами слов.

В тоншаевском говоре ударение не выполняет фонематической функции и имеет лишь фонетическое значение. Разница значений вышеприведенных слов здесь обусловлена не постановкой ударения, а различием их конечных гласных: *še·rpe* 'гребень' ~ *še·rʏə* 'дорогой', *pe·lə* 'половина' ~ *pe·le* 'пригорело'. Таким образом, выделение слова в потоке речи остается единственной функцией ударения в говоре.

Ударение в говоре может падать на все гласные. Но несколько обособленно стоят редуцированные *ä* и *ə*. Под ударением они могут находиться лишь в том случае, если все гласные слова, кроме гласных последнего слога, также представлены этими звуками; например: *jä·tän*

'лен', *pā·rña* 'бревно', *aštā·rākš* 'домашнее сукно', *pā·štaktamā* 'кастрированный'. Если слово с этими гласными состоит более чем из трех слогов, то ударение, как правило, падает на первый слог, например *pā·lakšāštā* 'в ухе'. Невозможность постановки ударения на эти гласные объясняется их качеством. Они всегда очень кратки, а ударение в говоре, как уже известно, основывается на длительности звуков. Поэтому, не имея достаточной длительности для ударения, они отдают свои права предшествующим звукам. Эта передача продолжается до первого слога, на котором уже независимо от качества звука оно вынуждено остановить свой выбор. Примерно такое же положение у лабиализованных редуцированных *u* и *ụ*, лишь с тем отличием, что для них достаточно этих условий в первом и втором слогах и что даже в многосложных словах ударение падает на второй слог. Все редуцированные гласные говора (*ā*, *a*, *u*, *ụ*) по ударению объединяет в одну группу еще и то, что они могут быть под ударением только в первых двух слогах. К ним примыкают и лабиализованные гласные полного образования *u* и *ü*.

На остальные гласные действие ударения распространяется более или менее свободно. Так, *a*, *ä*, *e* могут быть ударными вплоть до пятого слога (*kābārašāše·tlān to·lānat maj?* 'на кой черт ты пришел?'), *i* — в основном до третьего, а в русских заимствованиях и до четвертого (*lepesi·tlāš* 'болтать').

Ударение в связной речи. Фиксированный характер ударения последовательно выдерживается в говоре только в словах вне контекста. Но как только слово занимает место в потоке связной речи, начинают обнаруживаться различные отступления от общего правила. Как и во многих других языках, это в первую очередь явления проклитики и энклитики.

Явление проклитики в говоре можно наблюдать у односложных прилагательных (*oš·ki·ntā* 'белый хлеб', *kū·ku·ru·k* 'каменная гора'), у некоторых односложных местоимений (*bes·kā·nā* 'в другой раз', *tā·mō·ŋkō* 'после этого'), у частицы *nāt* 'не знай' (*nāt·ma·lan* 'не знай, почему') и т. д. Однако проклитика выступает не во всех односложных словах. Так, ударение сохраняется в отрицательных частицах (*a·m·βa·zā* 'не пишу', *a·k·pu·ro* 'не заходит'), в вопросительных местоимениях (*kū·kore·kāt šu·a?* 'кто бросит копейку?'), в личных (*me·ke·nā* 'мы идем'), а также других местоимениях, если они несут в предложении особую интонационную нагрузку (*βe·s·pō·rt βu·jām šu·et* 'посмотришь на другую крышу'), в односложных числительных (*ku·t·ā·rñā* 'шесть недель', *lu·ka·mpā* 'десять гусей'), в усилительных частицах (*pe·š·le·lā* 'очень тяжело', *nā·špžā·ržā, nā·ma* 'ни сестры, ни еще кого-нибудь') в числительном *pel* 'половина' (*pe·l·pā·lakš* 'одно ухо') и т. д.

Энклитика чаще всего наблюдается у односложных послелогов (*pō·rtš·o·γac* 'из дома', *oksa·don* 'деньгами'). Кроме того, иногда ударение теряют и односложные глаголы с самостоятельным значением (*aγe·t·pu* 'не дают', *ana·kert* 'не можем') или даже в составных глаголах (*pāte·n·ken* 'кончилось', *maraja·lt·ket* 'запачкаешься'), а также односложные существительные, когда они вместе с относящимися к ним словами выступают в качестве определения (*kāne·r·ku·t* 'с локоть', *pārñā·γu·t* 'с пальчик'). Явление энклитики встречается и у двухсложных слов, главным образом когда их гласные — только редуцированные *ā* или *a* (*aṇa·βalkā* 'на доску', *βu·jž·o·γacān* 'из головы'). То же самое происходит и с глаголом *a·lā*, если он выступает в качестве вспо-

могательного слова (*laštä-tälä* 'делали было', *säkälä-tälä* 'вешали было'). Но если он выступает в роли самостоятельного сказуемого, то энклитики не наблюдается (*βa-dä ä-lä* 'был вечер').

При энклитике ударение слова переходит соответственно на один слог дальше. Но в словах с конечными *o* и *ö* оно остается на прежнем месте, так как при энклитизации с ними послелогов или других слов эти гласные, хотя и сохраняют некоторую лабиальность, подвергаются редукации, например: *šü-dö* 'сто' ~ *šü-d-ö-dön* 'сотнями', *po-ηko* 'гриб' ~ *po-ηk-ö-γäs* 'из гриба'. Не происходит перехода ударения в тех случаях, когда гласными последнего слога являются *ä* и *ä*: *ša-βäs* 'тряпка' ~ *ša-βäs-ten* 'тряпкой'. Явление энклитики не встречается в вопросительном слове *maj* в предложениях с общим вопросом: *to-lat maj?* 'придешь ли?', в односложных глаголах, выполняющих в предложении роль сказуемого: *äške-tän ke-n* 'шел один', *te-γe jü-t* 'так пьют'.

Встречаются в говоре и такие случаи, когда постановка ударения в двух примыкающих друг к другу словах колеблется, в них берет верх либо энклитика, либо проклитика. Ударение тогда зависит от желания говорящего: *kü-m-γänät* 'кого-нибудь' ~ *küm-γänät* 'кого-то'.

Но очень часто в потоке речи ударение переходит со своего обычного места без каких-либо особых причин и по характеру приближается к ударению лугового наречия. Для иллюстрации можно привести следующий отрывок связной речи:

a kama-räštä ä-lä i-k ši-m pö-rt. kä-k ma-m läštä-š-täk, ku-š keä-š, jä-tän kolta-š, ma-li, jepi-mikä-län-törk keät. kηncä-läm naklad'o-š-täk, tu-γu-r šo-tkäm nälä-t, pörte-š kolta-t. pum pö-rteš pälitlä-t, šeledä-t, olta-t.

Перевод: А в Камарах была одна черная изба. Когда что-нибудь нужно сделать, (ну скажем) лен подготовить что ли (для пряжи), куда идти (вот и) идут к Епи Микалу. Пряжу накладешь, возьмешь щетку и (начнешь) в избе работать. Дрова пилят в избе (тут же) колют, топят.

Каких-либо определенных правил о постановке ударения в связной речи установить невозможно. Но не вызывает сомнений стремление нарушать связанность ударения с определенным местом. Налицо также и то, что общая тенденция «срываться» с места явно направлена в сторону последних слогов. В чем причина разрушения фиксированного ударения, пока еще трудно сказать. Очевидно лишь одно: происходит процесс разрушения, а не приобретения определенного места. Об этом говорят следующие факты:

1. В словах, взятых вне контекста, ударение за исключением некоторых случаев выдерживает свое место на предпоследнем слоге.

2. Даже в связной речи во многих словах, преимущественно общезинно-угорского происхождения, ударение независимо от качества подударного гласного обычно падает на первый слог (имеются в виду двухсложные слова): *kη-cäš* 'просить милостыню', *ne-läš* 'глотать', *pu-naš* 'вить', *ä-zäm* 'мой старший брат' (примеры взяты из контекста).

3. В словах, состоящих из более чем двух слогов, гласный звук первого безударного слога в исконных и раннезаимствованных словах однороден по отношению к ряду с подударным гласным, а, следовательно, со всеми последующими. Современные русские заимствования уже не обнаруживают подобного явления, например: *po-ci-ηkä* 'починок',

kosi-ŋkə 'косынка', *ciku-ško* 'четушка'. Отсюда можно предположить, что и гласные первого слога исконных слов и более ранних заимствований когда-то в прошлом несли на себе ударение, поскольку обратное воздействие гармонии гласных наблюдается в говоре лишь в единичных исключительных случаях.

Ударение и гармония гласных. Тесно связана с ударением в говоре гармония гласных. Именно от него зависит оформление гласных слова как в отношении ряда, так и в отношении лабиальности. Гласный, находящийся под ударением, оказывает влияние на качество всех последующих звуков слова; например: *pi-cāl* 'ружье', *pö-rt-ɔ št-ɔ žö* 'в своем доме', *nama-lāštāt* 'таскают', *ke-ŋəžəm* 'летом'. Зависимость палатальной гармонии от ударения наглядно иллюстрируют примеры, в которых нарушенная в первых слогах гармония по ряду вновь восстанавливается в последующих заударных слогах; например: *kare-māštə* 'в овраге', *pu_rte-nā* 'пустим', *pari-tlāš* 'парить', *kosi-ŋkə* 'косынка'.

С ударением связана также и лабиальная гармония, при которой в говоре в зависимости от подударного гласного оформляются не только конечные гласные, как в литературном языке, но и гласные звуки заударных слогов. Это особенно заметно, когда под ударение попадают лабиальные гласные, например: *tü-nə_žö* 'на улице-то', *ku_mu_ž* 'береста', *pu_rpu_štə_što* 'в сугробе', *pö-rt-ɔ škö* 'в дом', *šo-ð-ɔ kš-ɔ što* 'в легких'.

Но зависимость заударных срединных гласных, в особенности *o* и *ö*, от ударения носит несколько иной характер, чем зависимость гласных абсолютного конца. В этом положении они подвергаются еще более сильной редукции, чем в конце слова, но окончательно своей огубленности не теряют, как это происходит в литературном языке; например: *šü-ðö* 'сто' ~ *šü-ðə_štö* 'в сотне', *lö-lpö* 'ольха' ~ *lö-lp-ɔ štö* 'в ольхе', *tu-mo* 'дуб' ~ *tu-mā_lan* 'дубу'.

Что касается другой пары лабиальных *u* и *ü*, то они вообще не могут употребляться в заударных слогах, т. е. полностью зависят от ударения в слове. Встречаемость редуцированных лабиальных в слове также зависит от ударения: в заударных слогах, причем лишь в третьих закрытых, они возможны только в том случае, если ударение падает также на эти звуки.

Итак, ударение в тоншаевском говоре во многом отличается от соответствующего явления других диалектов марийского языка.

I. G. IVANOV (Joškar-Ola)

ÜBER DIE BETONUNG IM TONSAJEVO-DIALEKT DES MARISCHEN

Im Tonšajevo-Dialekt des Marischen fällt in Einzelwörtern die Betonung auf die vorletzte Silbe. Eine Ausnahme bilden die Fälle, wo der Vokal dieser Silbe ein reduziertes *a* oder *ä* ist. Im Kontext verliert die feste Betonung ihre Gültigkeit; sie ist ähnlich der Betonung im Wiesendialekt. Im Tonšajevo-Dialekt hat die Betonung keine phonematische Bedeutung. Die Vokalharmonie ist von der Betonung abhängig.